

нечном итоге позволяет пользователю лучше понять значимость данных объектов простым и наглядным способом. Основным преимуществом относительно фильма о памятнике является то, что виртуальные персонажи полностью интерактивны и могут являться хранителями информации о памятнике и сообщать ее заинтересованному пользователю.

В комплексе все вышеперечисленные компоненты приложения должны будут заинтересовать различных пользователей в получении и распространении информации о памятнике, что является задачей по сохранению и распространению культуры в современном обществе.

Библиографический список:

1. *Бахтизин А. Р.* Агент-ориентированные модели экономики / А. Р. Бахтизин. Москва: Экономика, 2008.
2. *Макаров В. Л.* Искусственные общества / В. Л. Макаров // Искусственные общества. – №1. 2006.

Д.О.Шишова

(науч. рук. С.З. Гончаров)

ИВАН ИЛЬИН О ДУШЕ РУССКОГО НАРОДА

Мы все живем в современном обществе и понятие «Россия» является особой темой для русского народа. В XX веке западным европейцам Россия, ее народ и культура представляется как что-то неизвестное. В то время редкий европеец мог позволить себе поездку в Россию с научной целью. Они получали знания от так называемых «знатоков» России. Судя по всему, Ильин считал недопустимым продолжение такого неверного, зачастую безответственного распространения информации по этому и решает взять на себя такое важное дело, как *разъяснение сущности и своеобразия русской культуры Европе.*

Ильин пишет: «Россия как народ и культура до сих пор предстает перед Западной Европой как сфера сокрытого, как проблема, не поддающаяся пониманию, как своего рода Сфинкс, вызывающий опасение. Каждый раз западный европеец снова и снова спрашивает себя: что это за народ? что он может? чего

он хочет? чего следует ожидать от него? Да и язык этого народа кажется странным и трудным. А поскольку редко кто может позволить себе поездку в Россию с научной целью, приходится довольствоваться так называемыми «знатоками» России, которые лишь в исключительных случаях судят о ней на основе верных знаний и с истиной ответственностью» [1, с. 15].

Природа и климат. И. Ильин пишет: «Душа народа находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями и по тому не может быть достаточно объяснена и понята без учёта этой взаимосвязи. С древнейших времен, возможно, в течении четырнадцати-пятнадцати столетий русский народ живет на широком и раздольном пространстве с оттенком или даже целиком азиатского Востока на плоской равнине с могучими реками и довольно суровыми, почти жестким континентальным климатом» [1, с. 17]. Как пример этой взаимосвязи он берёт весеннее половодье: «Интенсивное половодье: реки выходят из берегов, затапливают низины, повсюду образуются проталины; дороги становятся непроезжими; пробуждается от зимнего сна, и люди ходят как пьяные, с хмелем в крови и в душе» [1, с. 21].

В Западной Европе распространен предрассудок, будто Россия – благоприятная, предназначенная для сельского хозяйства страна, что ее огромные пространства сами напрашиваются на возделывание неизмеримой, все более увеличивающейся пахотной земли и что русский народ просто не понимает, как воспользоваться этой беспредельной возможностью. Этот предрассудок совершенно безоснователен и только говорит о том, как мало знают в Западной Европе о российских природных условиях. Со времен ледникового периода и по причине особенно холодного климата России досталось невидимое подземное наследство, о котором Европа явно не имеет ни малейшего понятия. Это подземный слой вечной мерзлоты, который не оттаивает никогда, даже в самое жаркое лето. Эта мерзлота образует компактную, как бы окаменевшую земную глыбу, которая при низких в среднем температурах и в отсутствии снега являет собой, так сказать, наиболее яркое выражение природной жестокости [1].

Темперамент. И.А. Ильин понимает русский темперамент. Он говорит о нём языком бодрым, будоражащим, и этот самый темперамент чувствуется в нём самом. Русский народ «наслаждается пространством, лёгким напористым

движением, ледоходом, лесной чащею, оглушительными грозами. Он упивается интенсивностью бытия» [1].

Ильин пишет: «У всякого народа своя судьба: он ее носитель, ее созидатель, ее преборитель. Русскому предназначено судьбою жить в суровой среде. Безжалостно требует от него приспособления природа: укорачивает лето, затягивает зиму, печалит осенью, соблазняет весной. Она дарует равнину, но жизнь на этой равнине тяжела и сурова. Она дарует прекрасные реки, но борьбу за их устье, превращает в тяжелую историческую задачу. Она дает выход в южные степи, но приводит оттуда грабителей – кочевые народы. Она сулит плодородные земли в засушливых областях и одаривает лесным богатством на болотах и топях. Закалка для русского является жизненной необходимостью, изнеженности он не ведает. Природа требует от него выносливости без меры, предписывает ему его житейскую мудрость во многих отношениях и за любой бытийный шаг заставляет расплачиваться тяжким трудом и лишениями» [1, с. 22]. «Русский таит в себе целый заряд напряженности, своеобразную мощь бытия и существования, пламенное сердце, порыв к свободе и независимости» [1, с. 23].

Ильин считает, что у русского человека есть тяга к полному достижению цели, мечта о последнем и конечном, желание заглянуть в необозримую даль, способность не страшиться смерти. В этом вопросе вспоминает Пушкина и Достоевского. И делает такое заключение: «Такова русская душа: ей даны страсть и мощь; форма, характер и преображение суть её исторически жизненные задачи. В них она вдумывается постоянно. Но велики трудности в поисках собственного жизненного пути: временами она может отказаться от этих задач и впасть в шаткую бесхарактерность, порой она может недооценивать свой образ жизни и путать свободу с раскованностью. Она может поддаваться зову страсти. И именно поэтому русские мыслители и художники, воспитатели и государственные мужи должны бесстрашно вершить свое дело и противостоять этим опасностям» [1, с. 27].

Свобода и гармония. По словам И. Ильина. «моральное и духовное равновесие русской души отражается в своеобразной свободе и гармонии» [1, с. 27]. Но, по мнению Ильина, неправильно представлять русскую душу как «вечно кипящий котёл»; «в буднях отлива русский предстаёт ровным и естественным, лёгким и добродушным» [1]. Русскому свойственна внутренняя сво-

бода, для него не существует искусственно придуманных запретов. «Он живет без усилий, “в нем бьется жизнь”. Он чересчур эмоционален и экспансивен, в большинстве случаев весьма общителен, участлив, дружелюбен, снисходителен и совсем по-особому гостеприимен. Его любезность не придумана, не церемонна, не фальшива; напротив, она непосредственна, изобретательна, импровизационна, легко переходит в деликатное, нежное чувство. Если заглянуть ему в душу, возникает впечатление, что в ней как бы слышится внутреннее безмолвно звучащее “пение”, мелодичное и ритмичное» [1, с. 29]/ В этом же вопросе Ильин вспоминает о народной песне. Зачем? Да ведь именно в этом народном виде искусства является гармония; без дирижеров, камертонов, и какой либо музыкальной подготовки русский хор звучит от всей души, в свободном исполнении, из внутреннего чувства, слуха и вкуса. Здесь же вспоминается философом и культура церковного колокольного звона, который часто импровизировался в зависимости от вкуса звонаря.

Язык и юмор. И.А. Ильин пишет о важности языка. «Русская душа в своей простоте и естественности производит мелодичное звучание и гармоничное впечатление. Этому соответствует и строение языка» [1, с. 31]. Русский язык подобно итальянскому, избегает всего, что звучит жестко, грубо, скрипуче или шепеляво. Но замечает, что при этом он остается гибким по форме, многообразным в ритме и послушным в стиле. «Русский язык хочет звучать и петь, быть естественным и выразительным, наслаждаться означаемым предметом, придавать ему фонетическую ценность и тем самым процветать самому. Он живет и раскрывается благодаря созерцающему вчувствованию. Он шумит вместе с лесом и шепчет с камышом, сверкает с молнией и рокошет с громом, щебечет с птицами и плещется с волною; он весьма глубок в чувствах и проникновенен в мыслях» [1, с. 31].

Глубоки наблюдения И.А. Ильина о юморе и самоиронии русских людей. «В теснейшей связи со сказанным находится поразительная предрасположенность русских к юмору и особенно к самоиронии. Юмор присущ русской душе как вечно неизбежное влечение, как неиссякаемый источник жизни и искусства – будь то радость совместного бытия, величайшая нужда, тюрьма или окопы. То это тонкий и ядовитый юмор дипломата, то дерзкий и ошеломляющий юмор фельдмаршала (Суворов), то отчаянный юмор висельника – простака, над

которым витает смертельная опасность. Исторически русскому народу пришлось многое вынести и выстрадать, поэтому терпение и юмор стали подлинным оружием его самозащиты» [1, с. 33].

Первичные силы. И.Ильин *не стремится идеализировать* русскую душу: «что в ней есть, то есть; чего не достаёт, пусть отвоёвывает в страдании и терпении». Ильин стремится указать на *своеобразие русской души*. Он считает, что теперь и Западная Европа должна признать это своеобразие. «Чтобы понять эту особенность русской души важно бы провести различие между первичными и вторичными душевно-духовными силами. Первичные силы – это силы *жизнеопределяющие, творчески-духовно ведущие*. Вторичные примыкают к первичным и носят отпечаток последних. Русская же душа, прежде всего, есть “душа чувства и созерцания”» [1, с. 48-49]. «Её культуротворящий акт суть сердечное видение и религиозно совестливый порыв» [1, с. 49].

Любовь и созерцание при этом свободны, как свободно пространство, равнина, как молящий дух, – вот почему русский нуждается в свободе, ценит её. *Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы*. Это и есть, по мнению И.Ильина, первичные силы русской души, которые формируют и питают русский темперамент.

Чувства и созерцания как основа характера имеют особую ценность для христианина, но они *не формируют* характер. Вот почему воспитание последнего Ильин считает ближайшей и важнейшей задачей русского народа. Здесь сердце и совесть должны дополняться и определяться *волей*, и тогда сформировался бы путь обновления культуры в христианском духе и в соответствии со старой традицией. Вместе с этим русские обладают сознанием долга, социальной глубиной, организаторской способностью. Но Ильин отмечает, что «прочной формы и силы не достаёт ещё и русскому правосознанию» [1, с. 50].

Ильин приводит к тому, что русская душа – «это не какой-то страшный сфинкс» – кто понимает её или выдаёт за такового, демонстрирует недостаток собственной способности проникновения. «Это душа взыскует правильного понимания и не желает, что бы её смешивали с крайне чуждыми ей узкими течениями и идеологиями (например, с большевизмом). Будучи душой свободного чувства и свободного созерцания она как бы рождена для христианства; и её последним собственным прибежищем является тем самым вера и религия» [1, с. 50].

В заключение мы можем сказать, что не надо идеализировать русскую душу: что у нее есть, тем она обладает; чего ей не достает, то она должна еще обрести в страдании и терпении. Свои положительные качества и свои недостатки имеет национальный характер любого народа. Важно показать своеобразие русской души. Это своеобразие русский человек сам осознал – с Пушкиным и Достоевским; и теперь настало время для открытого исповедания этого своеобразия перед лицом Западной Европы.

Исследование И.А.Ильиным идей и идеалов русской культуры, введение России как предмета философского и религиозного осмысления является актуальным и полезным для современного русского человека, который ищет свою национальную основу, государственную идею, выбор пути социального развития и жизненного бытия.

Библиографический список

1. *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры / И.А.Ильин. Москва: «Русская книга – XXI век», 2007.
2. *Ожегов С.И., Шведов Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведов. Москва, 2002.